

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-08

18+

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-08

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65230232

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга о Ленине. События происходят в 1917-м году в тогдашней столице России Петрограде. Ленин ведёт активную борьбу за захват власти большевиками. Политическая борьба, интриги, митинги.

Содержание

6 июля 1917 года.	4
7 июля 1917 года.	6
9 июля 1917 года.	7
10 июля 1917 года.	9
11 июля 1917 года.	13
12 июля 1917 года.	50

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-08

6 июля 1917 года.

Сводный отряд Кузьмина готовился штурмовать особняк Кшесиньской. При поддержке тяжёлой артиллерии. Однако большевики решили не защищать его. Были арестованы семь большевиков, среди которых охранник Ленина, занимавшийся эвакуацией партийных документов.

После переговоров, которые от лица ЦК вёл Сталин, сдались солдаты и матросы в Петропавловской крепости, решившие не делать из себя мучеников революции. Они были разоружены и отправлены в Кронштадт.

Начали прибывать вызванные с фронта верные Временному Правительству войска. Утром – самокатчики, бронедивизион и эскадрон малороссийских драгун. Вечером – отряд, направленный Керенским, в составе пехотной бригады, кавалерийской дивизии и батальона самокатчиков.

Прибывшие с фронта силы насчитывали, впрочем, всего десять тысяч человек, значительно уступая в численности Петроградскому гарнизону.

Милиция в дни выступления оказалась несостоятельной и не способной обеспечить порядок на улицах столицы.

Троцкий опубликовал открытое письмо Временному Правительству, в котором заявил о полной солидарности с Лениным и готовности опровергнуть все обвинения в соотрудничестве большевиков с Германией.

В тот же день в столицу прибыл с фронта Керенский.

7 июля 1917 года.

Ушёл в отставку министр юстиции Переверзев, а затем и председатель Временного правительства князь Георгий Львов.

9 июля 1917 года.

Юнкера разгромили большевистские штабы в Литейном и Петроградском районах.

В тот же день Ленин, сменив к этому времени пять конспиративных квартир, вместе с Зиновьевым бежал в поселок Разлив (Сестрорецкий район Петроградской губернии), где на первое время укрылся в сарае рабочего Емельянова.

Снова на нелегальном положении. Снова вдаль от центра событий. Но Ленин не унывал. Да, проиграно сражение – но не война. Положение будет изменяться к лучшему. Надо просто перетерпеть. Сколько потребуется. Будет ещё возможность сразиться.

Он не знал, что неудача восстания стала на самом деле шагом вперёд в деле завоевания власти большевиками и им, Лениным.

Во-первых, Временное Правительство недвусмысленно позиционировало его и соратников как своих злейших врагов. Но когда жизнь ухудшается, люди начинают ненавидеть правительство – и всё больше поддерживать именно его врагов. Что и будет происходить буквально со следующего месяца.

Во-вторых, даже осознавая, что Троцкий явился ценнейшим приобретением, он всё же недооценивал значения этой личности. Взбешённый травлей Ленина после разгрома вос-

стания, Лев Давидович принял окончательное решение объединиться с ним.

Следствием яростной активности Троцкого в последующие три с половиной месяца станет практически полная большевизация гарнизона, подчинение Совета и как кульминация – свержение Временного Правительства и переход власти в руки большевиков.

К возвращению Ленина в Питер власть будет уже готова упасть к нему в руки как созревший плод.

Но всё это будет описано во Второй части Первой книги. Которая так и называется.

"Троцкий".

Конец Первой части.

Часть Вторая.

Троцкий

10 июля 1917 года.

Как мы помним, в результате событий начала июля был вынужден уйти в отставку председатель Временного правительства Львов. 10 июля сформировано новое правительство, возглавлявшееся Александром Керенским, который при этом сохранил посты военного и морского министров. Состав правительства был преимущественно социалистическим, в него вошли эсеры, меньшевики и радикальные демократы. Временное правительство перебралось из Мариинского дворца в Зимний.

Двоевластие закончилось. Петроградский Совет исправно проводил заседания и обсуждал текущие вопросы, но Временное Правительство уже действовало, не оглядываясь на него. Впрочем, Совет оставался эсеровско-меньшевистским и скорее следовал за правительством как до июльских событий, так и после.

Сейчас Временное Правительство развязало травлю Ленина и его соратников. Новый глава правительства Александр Керенский проявил куда большую решительность, чем его предшественник Георгий Львов. Вождь большевиков с ближайшими сподвижниками обвинялись в шпионаже в пользу Германии, их разыскивали с целью арестовать и предать суду, о чём широко оповещалось через газеты.

Повторюсь. Странно, что в список подлежащих аресту не

попал Сталин, который, как мы помним, на заседаниях ЦК зачастую предлагал намного более радикальные решения, нежели Ленин, и наоборот попал весьма умеренный Каменев. А ведь Лев Борисович на заседаниях ЦК был против даже мирных демонстраций.

Впрочем, Каменев являлся лидером большевистской фракции в Петроградском Совете и поэтому был обязан озвучивать на заседаниях Совета точку зрения ЦК партии большевиков. Сталин же вне ЦК в основном помалкивал. В итоге Каменев был арестован – вместе с другими видными большевиками, а Сталин спокойно посещал заседания, правда, практически не выступая. Воистину, молчание – золото.

В пользу этого утверждения говорит и то, что арестована была также и неистовая Александра Коллонтай, которая никогда и нигде не скрывала своего мнения. Заметны те, кто говорит громко, а на помалкивающих обращают внимание куда меньше.

Разумеется, главной целью Временного Правительства являлся именно арест Ленина ... или лучше случайная его гибель при аресте. Керенский понимал, от кого исходит главная опасность на данный момент.

Владимира Ильича усиленно разыскивали, причём не только в Петрограде. Девятого июля, отправляя группу на его поиски в маленький городок Териоки (ныне – Зеленогорск), уже известный нам генерал Половцов услышал от офицера, возглавлявшего группу, следующий вопрос:

– Господин генерал, в случае, если найдём, желаете ли вы получить господина Ленина в цельном виде или в разобранном?

Половцов внимательно взглянул в глаза офицеру.

– Арестованные часто делают попытки к побегу, – очень серьёзно ответил генерал.

Офицер понимающе склонил голову, по-строевому выпрямился, щёлкнул каблуками, отдал честь и быстро вышел.

Облава разгоралась. Но, как оказалось, поймать вождя большевиков, имеющего колоссальный опыт конспирации, армейскими методами не вышло. Ленин благополучно скрылся в Разливе, и след его затерялся.

Но уже 10 июля вышла статья "Политическое положение", написанная Владимиром Ильичом перед самым отбытием из Петрограда.

В ней Ленин объявил о начале "нового цикла" в подготовке большевистской революции. Он констатирует, что двоевластие кончилось.

Новое правительство Керенского есть не что иное, как орудие победившей контрреволюции, а Советы превратились в фиговый листок этой контрреволюции. Ленин снимает лозунг "Вся власть Советам!" и заявляет: отныне путь ко власти лежит не через Советы, а через вооруженное восстание.

"Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Лозунг перехода всей власти к Сове-

там был лозунгом мирного развития революции, возможно в апреле, в мае, июне, до 5-9 июля, то есть до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг неверен. Никаких иллюзий мирного пути больше нет. Целью вооруженного восстания может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством для осуществления программы нашей партии"

Вызов Временного Правительства принят, и Ленин сдаваться не собирается. Выводы из предательства Петроградского Совета сделаны.

Но Ленин делает одно серьезное предупреждение своей партии: не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее, партия должна соединить легальную работу с нелегальной, как в 1912-1914 годах. Другими словами, из Советов не уходим, но на них при данном их составе как на орудие захвата власти больше не полагаемся. Дорога к власти лежит через полную изоляцию меньшевиков и эсеров.

11 июля 1917 года.

Они заметили его почти случайно.

Пётр Мартынов с матросами Николая Маркина занимались очередным патрулированием. Они шли по улице, оглядывая окрестности и беседуя о нынешней ситуации. О травле большевиков, об уходе Ленина на нелегальное положение, о бесстрашной активности Троцкого и гадали – что впереди.

Несмотря на травлю верхушки партии большевиков во главе с Лениным, сама партия оставалась на легальном положении, и Мартынов с матросами продолжали патрулирования так же, как и до этого.

Более того, они даже не почувствовали какой-либо перемены в отношении к себе. В революционных массах большевики, похоже, стали даже более популярными, а с депутатами, скажем, Петроградского Совета ни Пётр, ни, тем более Маркин фактически не общались.

Сегодняшнее патрулирование было утренним, но город уже проснулся

Разговор поддерживали в основном матросы. Пётр отвечал односложно, думая о своём. Отношения с Таней оказались делом непростым.

Нет, Таня была по-прежнему мила, весела и ласкова. Но давили проблемы житейские. Им даже жить вместе было негде. Таня, конечно, переехать в казарму не могла – не ме-

сто там для нормальной девушки. А ему переехать к ней ... та снимала комнату пополам с подругой по фабрике. Снять жильё – на какие доходы? Дознаватель – конечно, почётно. Но не денежно. Паёк – и все дела.

В общем, хоть бери Таню с собой и возвращайся на родной хутор. Чего Петру делать совершенно не хотелось. Он понимал, что такому, каким он стал, делать там нечего. Со скуки сдохнешь. Ладно, вот дайте победить буржуев – и всё наладится.

Увлёкшись кто разговорами, а кто – тяжёлыми размышлениями, они едва не прозевали лежавшее на земле в очередной арке по пути тело, над которым как раз склонился какой-то типчик неприметной наружности в гражданской одежде.

Тело и типчика заметил Егор. Кстати, наверное, давно пора представить состав летучего матросского отряда Николая Маркина.

Всего их шестеро, включая самого Николая. Самые молодые – Митрофан и Павел. Каждому по девятнадцать, причём Митрофану девятнадцать исполнилось уже после Февральской революции. На флот соответственно оба попали сравнительно недавно, вскоре после этого угодив в эпицентр стремительно развивавшихся революционных событий.

Без раздумий шли за Николаем, доверяя ему во всём. Может быть, дело в том, что обоих Маркин взял под опеку сразу по появлению тех в экипаже. Пребывание в отряде и работа

по поддержанию порядка обоим нравилась, а перед аналитическими талантами Петра они преклонялись. Юношеские восторженность и романтизм. Легконогие, самые быстрые в отряде.

Солнечный веснушчатый Тимоша. На год старше Митрофана с Павлом. Любимец отряда. Всегда улыбающийся, оживлённый. Кстати, неплохо умел развлекать товарищей – и не только прибаутками. Оказывается, в детстве познакомился с фокусником из бродячего цирка, и тот, оценив способности восторженного рыжего пацана, задаром обучил того парочке нехитрых приёмов. И показал несколько не менее простеньких фокусов, которые способный парнишка в дальнейшем освоил уже самостоятельно, после того, как нечаянный наставник укатил со своим цирком далее. Внимателен и глазаст. Любил читать, особенно о борцах за свободу прошлого. Охотно пересказывал прочитанное. Это от него Пётр услышал о геройском Петре Петровиче Шмидте.

Сергей был годом старше Тимоши, Двадцать один год. Спокоен, рассудителен, мог дать неплохой совет. Но лишний раз не высывался – высказывал своё мнение только если спрашивали. Не любил быть заметным, предпочитал смотреть, слушать и запоминать.

Егор. По старшинству и по возрасту второй в отряде. Двадцать три года. Старше был только Николай. На год. Молчалив, кажется, больше, чем Маркин. Надёжен, если что-то поручить – умрёт, но исполнит в точности. Про таких говорят

– "вечно второй". Эти люди не любят сами командовать, но за всё, что им прикажут, беспокоиться уже не приходится. Самый здоровенный в отряде, хотя регулярно теперь патрулировавший с ними Пётр, разумеется, был побольше.

Все они безоговорочно ещё с учебного минного отряда, где служили с Николаем, признавали его старшинство.

Итак, они уже почти миновали арку в стандартный питерский дворик, увлечённые обсуждением, как вдруг Егор, не забывший бросить взгляд в арку, крикнул "Стоять" и кинулся в неё, стаскивая с плеча винтовку.

Типчик, склонившийся в середине прохода над неподвижным телом, поднял голову, мигом оценил ситуацию и задал было стрекача. Митроха и Павел опередили остальных, мгновенно кинувшись вслед, но догнать не успели. Грохнул выстрел Егора, человек немедленно затормозил, вскинул руки вверх и заголосил.

– Не убивайте, братцы. Неповинен!, – рисковать жизнью он был не готов.

– Увидим, – подошедший Николай был, как всегда, немногословен, – Общайте его.

Досмотр особых результатов не дал. Дешёвый кошелёк с парой сотенных бумажек, какая-то мелочь в кармане, недорогая расчёска, перочинный нож ... неисправный.

Пётр приступил к ставшей уже обычной для него процедуре расследования. Он подошёл к неподвижному телу и осмотрел.

Весьма недёшево одетый пожилой мужчина лежал на спине. Причина смерти казалась очевидной. Верхняя часть лба по центру разворочена. Верхний край раны даже охватил переднюю часть редких волосёнок. Покойник был, похоже, не беден. Дорогой костюм-тройка, рубашка тоже не из дешёвых. Галстук-бабочка. Ну и штиблеты подстать всему ансамблю.

Во внутреннем кармане пиджака обнаружился шикарный бумажник почти с пятью тысячами рублей и набором красивых визитных карточек с надписью, исполненной красивой золотистой вязью.

"Доронин Александр Васильевич. Кредитное товарищество "Селенга". Директор."

Кроме этого на визитке было два номера телефонов и два адреса. Один, похоже, располагался где-то рядом. Во всяком случае, улица была та самая, по которой они только что шли.

Пётр выпрямился и огляделся вокруг. Во дворе старательно шаркал метлой бородатый дворник.

– Митроха, покличь-ка вон его сюда. Да, ребятки, а задержанного подведите ко мне. Кто таков, чего у трупа делал?

– Митюха я ... Дмитрий Селиванов. Живу тут неподалёку. Мимо шёл, смотрю – лежит. Ну я подошёл посмотреть – может, плохо человеку. А тут сразу вы.

– Точно, – встрял Тимоша, – я эту фигуру давно срисовал. Он впереди нас шёл, шагах в пятидесяти. Шёл-шёл, а потом вдруг глянул налево – и шась в арку. Я ещё подумал – надо

глянуть, что там этот клошар нашёл, да увлёкся, забыл. Спасибо, Егор не прозевал.

Тимоша любил вставлять в свои реплики вычитанные слова. Поэтому они уже знали значение термина "клошар". Из бедных, одним словом.

– Ладно, – Пётр взглянул на Селиванова, – Видел что, может?

– Да что видел, – Дмитрий был несколько озадачен вопросом, – Вижу, лежит. Подошёл, наклонился. Тут вы.

– Я говорю, может, рядом кого заметил.

– Не, не было никого. Вон, дворника видел во дворе – и всё.

– Ладно. Братва, верните ему что у него нашли – и пусть идёт себе. Не верю я, конечно, что просто помочь человеку хотел, ошмонал бы за милую душу. Но не успел. Не пойман – не вор.

– Вы-то больно честные, – обиделся тот, – сами, небось, и ошмонаете теперь. Карась-то жирный, глянь, бумажник из крокодиловой кожи. И внутри есть что-то, к бабке не ходи.

– Не карась, а господин директор, – раздался голос подошедшего дворника, – Александр Васильевич Доронин. Из господ, но к нашему брату вежливый. Завсегда остановится, расспросит, иногда и на чай получишь. Тут вопче вежливая публика проживает, в нашем дворике. Окромя парочки мамзелей. Те стервозные. Вот, новая супружница Александр Васильича как раз из таких. Нос дерёт, а у самой – ни кожи,

ни рожи.

– Так-так, – заинтересовался Пётр, – значит, Александр Васильевич тут проживал? И женился недавно?

– Ну дык я ж говорю. Вон в том подъезде, Квартира справа, во втором этаже. Справная квартира, мне даже там бывать доводилось. Замок у шкафа заело – меня и позвали, – начал было словоохотливый мастер чистоты, но Пётр тут же его перебил.

– Спасибо, товарищ, но об этом потом. Сейчас. Дмитрия Селиванова отпускаем ... просим прощения за беспокойство.

Митюха обалдело взглянул на него, видимо не привыкнув к такому обращению. Но смысл понял, буркнул "прощеньица просим" – и торопливо направился к выходу из арки. Разжаться с трупа сегодня не вышло.

– Товарищ дворник, – продолжал Пётр, – во-первых, скажите, как вас называть?

– Да чё там называть, – засмутился тот, – Кузьмой все зовут, и вы зовите. А сами-то откуда будете? Красные банты я вижу, но не сочтите за неуважение, их нынче любой нацепить может. Бумага-то есть у вас какая?

– А как же, товарищ Кузьма. Я – Пётр Петрович Мартынов, дознаватель при Петроградском Совете. Вот мой мандат, смотрите. А это – летучий отряд революционных матросов. Тоже при Петроградском Совете. Командир – Маркин Николай Григорьевич. Николай, покажи свой мандат.

Маркин полез в карман бушлата, но дворник замахал руками.

– Да не надо, хватит. Я ведь, признаюсь, неграмотный. Ваш мандат, вижу, по всей форме, с печатью. Всё, я понял. Чем могу служить?

– Да пока ничем, Кузьма. Постой, мы осмотр трупа закончим – и в квартиру к нему пойдём. А ты тело покараулишь. Хорошо, товарищ?

– Слушаюсь!, – тот выпрямился, как по команде, – Разрешите, Ваше благородие, я пока двор дometу ... немного осталось.

– Ну конечно. И не зови ты меня благородием, Кузьма. Нету нынче благородий. А я – просто Пётр или Пётр Петрович. Ладно?

– Так точно, ва ... Пётр Петрович. Разрешите выполнять? Я здесь, во дворе. Как надо будет покараулить – кликните.

Кузьма удалился, и Пётр вернулся к осмотру.

Сначала продолжение такового не добавило ничего особенно нового. Единственное – стало окончательно ясно, что причина смерти потерпевшего – не банальное ограбление. В жилетном кармане нашлись роскошные золотые часы на цепочке. Пётр внутренне порадовался.

Он вначале подозревал, что это продолжают убийства и грабежи участники, с позволения сказать, "мирной демонстрации" четвёртого июля. Да уж, сколько людей было тогда ограблено, а многие – и убиты. И сплошь небедно одетые.

Им с Маркиным даже запретили в тот день патрулировать, опасаясь лишних эксцессов.

Но лихие демонстранты – солдаты анархистского пулемётного полка или кронштадтские матросы, видимо, вернулись по казармам и флотским экипажам. Уж бумажник-то с часами они бы точно не оставили.

Сделав такие выводы, Пётр подозвал Николая.

– Слушай, давай его перевернём аккуратненько. Я пока не пойму, отчего он погиб. Если от удара – били кастетом или обухом каким, причём сверху вниз. Но тогда странно – на пиджаке должны остаться брызги крови, а я их не вижу. Погиб он больше нескольких часов назад – уже остыл. То есть убили ночью либо вчера вечером – днём бы нашли уже. Давай, Николай, переворачиваем осторожненько.

Перевернутый труп сразу открыл много интересного. Во-первых, прояснилась причина смерти. На коротко стриженном затылке обнаружилось входное отверстие от пули, причём малого калибра. Дамский браунинг, что-то около того. Развороченная верхняя часть лица, видимо, объяснялась тем, что выходное отверстие от пули всегда больше входного. Кроме того, скорость полёта была, вероятно, невелика, отчего пуля не пронзила всю голову, а разворотила череп в районе выхода.

Пётр, учтя положение трупа, понял, что мужчина был убит, направляясь во двор, выстрелом сзади снизу под углом. Он сразу велел матросам обыскать территорию вокруг, по-

ставив задачу – найти гильзу и, если повезёт, саму пулю, которая должна была изрядно потерять скорость, пройдя через череп, судя по выходному отверстию.

Во-вторых, под трупом обнаружили ещё одни часы. Не такие дорогие, как на покойнике, но тоже не из дешёвых. Серебряные. Цепочки не было.

И в-третьих, опять же под трупом был найден обломок какой-то деревяшки. Скорее всего обычного сука с дерева, которых вокруг было достаточно. На конце обломок был несколько разломачен, как будто отломался в тот момент, когда суком что-то поднимали, используя в качестве рычага.

Поискав глазами, Пётр, на удивление, сразу обнаружил искомый сук. Тот лежал неподалёку, в той же арке. Он приложил обломок – все сомнения отпали.

Николай и матросы, стоя рядом, наблюдали за его действиями, ожидая развязки с разоблачением убийцы. Это уже вошло в традицию – инициатива в любом серьёзном расследовании сразу же отдавалась Мартынову, а прочие, иногда высказывая своё мнение, в основном выполняли его указания. Зато бесплатно наблюдали всю детективную историю непосредственно.

Выпрямившись, Мартынов подозвал дворника, который уже закончил подметать и ожидал, наблюдая за процессом расследования.

Тот мгновенно оказался рядом и выпрямился навтыяжку, держа метлу как ружьё у ноги. Пётр вздохнул, но ничего на

эту тему говорить уже не стал. Видать, бывший солдат, ему так привычнее. Пусть уж.

– Товарищ Кузьма, сам видишь. Дело серьёзное. Убийство. Ты расскажи о его домашних. Сам понимаешь, нам знать бы надо. Потом мы туда, в квартиру пойдём, а ты тело покараулишь. У них есть телефон?

– Так точно, Пётр Петрович. У такого человека в квартире не может не быть. Я сам видел, как шкаф чинить вызывали. Так, насчёт домашних. Первый – сын. Василий Александрович. Серьёзный господин. Но добрый и вежливый, как отец. Тоже завсегда остановится, поздоровается, расспросит. Правда, на чай не оставлял, да я не в обиде. Таких денег, как у отца, у него нету. Служит в том же кредитном товариществе. Не директором, ясное дело.

Глафира. Кухарка у них. Готовит, за продуктами сама ходит. Бывало, останавливалась со мной поболтать. Баба как баба. Кухарка, одним словом.

Пантелеймон. Лакей ... ну, как теперь он называется – не ведаю. Александр Василич его мажордом называл. Не знаю, что значит. Мужчина как мужчина. Много говорить не любит, особенно о господах. Но поговорить может. В опчем, человек как человек.

Маргарита Николавна. Ихняя ... покойника, значит, супружница новая. Прежняя-то, Мария Степановна, два с лишком года тому, в зиму померла. От простуды. Жаль, хорошая женщина была. Тихая, спокойная. Вежливая, как

муж. В одночасье сгорела. Эх, кончилась семья. Упокой, Господи, их души, – Кузьма размашисто перекрестился и продолжил.

– В опчем, Александр Василич погоревал-погоревал, да и женился снова год с лишком тому. Новая-то не такая, как покойная Мария Степановна. Молодая, а форсу – как у королевны. Никогда не поздоровается. Как меня и нету. И мужу, когда с ним, не даёт. Что ты, мол, с ним разболтался, нам ехать пора. И за руку тянет. А тот за ней, как телок на привязи. Да и то, моложе она его лет на двадцать-тридцать, и выглядит завсегда как барыня. И одета, и накрадется вся, и даже походка у неё – как будто завлекает. Он, конечно, сразу разум и теряет. Эх, седина в бороду, одно слово, – пригорюнился Кузьма и, вдруг встrepенувшись, добавил:

– Ан Глафира сказывала, ссориться они в последнее время всё чаще стали. Он-то, вишь, бывает, как придёт, так сразу к ней. И начинает. Орёт, кричит, гневается одним словом. Глафира говорила – молодыми людьми попрекает. Мол, ласкова больно с теми. Ну так что поделаешь. Взял молодую – сам виноват. А она поворкует, подольстится, обнимет, поцелует, скажет – любит, мол, только его – он и размякнет. Ещё и подарки дарит потом с извинениями. Одно слово, опять скажу. Седина в бороду – бес в ребро. Нет хуже дурака, чем старый дурак.

– Вот и третьего дня, – продолжал Кузьма, – как вернулся, так крик-шум и начался. Глафира говорила – пуще прежне-

го. Уже не просто молодыми людьми попрекал, а полюбовником. Вроде узнал что-то ... в частную сыскную контору обращался. О разводе кричал. Она к нему снова и так, и этак – но он на сей раз не размяк. Уж не знаю, удалось ей помириться – или что. Вот так. Всё о них вроде. Ещё чего спросите, Пётр Петрович?

Пётр слушал дворника очень внимательно, ни разу не перебив.

– Нет, Кузьма. Ты и так много интересного рассказал. Очень нам помог. Благодарю от лица Петроградского Совета. Я сейчас с ребятами внутрь пойду, а ты вот что. Дворницкая твоя далеко?

– Да вот же она, – указал Кузьма на неприметную дверь непосредственно в стене арки, – там и инструмент, там и сплю ... и харчуюсь. А что, надо в засаде посидеть? Так я мигом! У меня и свисток есть. Как какой мазурик к мёртвому телу наклонится – так я сразу свистну – тут не зевайте, хватайте. Верно я понял, Пётр Петрович?

– Почти верно, но не совсем так. Дело ещё серьёзнее. В дворницкой твоей посидят двое наших матросов, а ты как будто подметаешь и на труп посматриваешь. Чтобы никто ничего не заподозрил. Тебя-то жильцы знают, а как матросов увидят – насторожатся. Будут спрашивать – отвечай, что оставили пока присмотреть. Спросят, о чём мы тебя пытали – отвечай, что про личность убиенного – кто, мол, таков, а после – о домашних его. Но о скандалах в семье – мол-

чок. Знать ничего не знаешь. Телегу забрать труп мы сами из квартиры по телефону вызовем. Понял?

– Не извольте беспокоиться, Пётр Петрович, всё сделаем в лучшем виде.

– Спасибо, товарищ Кузьма. Я сразу понял – ты человек серьёзный. Да, и ещё. Негоже так мёртвому телу лежать неприкрытым. У тебя найдётся какая тряпка – прикрыть пока не увезут? Но прикрыть полностью, чтобы не видно было, что покойник лежит. Зачем народ зря пугать?

– Не извольте беспокоиться, Пётр Петрович. Есть в дворницкой старое покрывало. Большое. Накроем – ничего видно не будет.

– Отлично, товарищ Кузьма. Давай, неси, накрывай.

Пётр подозвал Егора с Сергеем, велел им сидеть в дворницкой, смотреть за трупом, но себя не обнаруживать, пока кто-нибудь не снимет покрывало и не начнёт на трупе или около что-нибудь искать. После чего подозвал Николая и Тимошу и долго им что-то втолковывал.

Наконец, они направились в квартиру. Кузьма яростно шаркал метлой, время от времени бросая взгляд на накрытое мёртвое тело. Встретившись глазами с Петром, он успокоительно кивнул – мол, не извольте беспокоиться, Пётр Петрович.

Дверь открыл нестарый ещё мужчина серьёзного вида в белой рубашке, жилетке и тщательно выглаженные брюках, аккуратно подстриженный и причёсанный. "Пантелей-

мон", – сообразил Пётр, достал свой мандат и тут же с порога заявил:

– Доброе утро. Дознаватель при Петроградском Совете Пётр Мартынов. Могу я видеть хозяев?

– Хозяина нету дома, – серьёзно и вместе с тем почтительно ответил Пантелеймон, – а хозяйка со вчерашнего не выходила. Вчера как вернулась, так прошла к себе – и мы её больше не видели. Вон, даже сумочку забыла на комод. Взволновавшись пришла. Позвать?

– Да уж, будьте так любезны. Мы пока в гостиной обождём. Эти со мной, – сообщил Пётр, входя в гостиную в сопровождении четвёрки матросов.

Пантелеймон кивнул и направился по коридору вглубь квартиры. Оттуда послышался стук в дверь и вопросы Пантелеймона, на которые отвечало грудное женское контральто.

Из боковой двери в гостиную выглянула просто, но опрятно одетая женщина лет сорока в белом кружевном фартуке. Увидев незнакомых, она повернулась, видимо, собираясь выйти назад.

Пётр не стал ей препятствовать. Тут же кивнув заговорщически Тимоше в сторону находящейся на комод сумочки явно из дорогого магазина, он решительно направился к двери, за которой скрылась Глафира.

– Доброе утро, – поздоровался Мартынов, войдя в помещение, по всему служившее кухней – просторной и оборудо-

ванной по последнему слову кухонной техники, – Пётр Петрович, дознаватель при Петроградском Совете. Ваш хозяин, Александр Васильевич убит сегодня ночью. Я веду расследование. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы ведь Глафира, кухарка? Я правильно понял?

Женщина, при словах о смерти хозяина испуганно зажавшая рот кончиком фартука, неуверенно кивнула. Похоже, принимать участие в следственных действиях ей до этого не доводилось.

Впрочем, ни на какие сложные вопросы отвечать не пришлось. Всё было стандартно – имя фамилия, род занятий. Где была со вчерашнего вечера до настоящего момента. Не слышала ли или не видела ли чего-нибудь необычного. В общем, следственная рутина.

Глафира не сообщила ничего, чего бы Пётр не знал и до этого. О скандалах между хозяином и хозяйкой не было сказано ни слова. Видимо, кухарка не считала возможным быть настолько же откровенной с официальным лицом, как с дворником Кузьмой.

Вскоре после начала беседы в кухню вошёл Тимоша, наклонился к уху Петра и что-то прошептал. Пётр кивнул и матрос снова их покинул.

Закончив допрос, Мартынов вернулся в гостиную, где уже дожидался молодой человек интеллигентного вида, но хлюпиком при этом не выглядевший. Одет он был стандартно для банковского служащего. Обычный костюм, похоже, из

магазина готового платья, галстук, чёрные штиблеты. Выглядел взволнованным. Увидев входящего Петра, молодой человек вскочил

– Это правда? Насчёт отца? Где он? Я могу его увидеть?

– Василий Александрович, как я понимаю, – тон Петра был официальным, но вместе с тем как бы сочувствующим, – Вы уже знаете, я вижу.

При этих словах Тимоша принял виноватый вид. Ну да, сообщил уже. Впрочем, а что здесь страшного? Всё равно через минуту узнал бы.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов. Этого требует официальная процедура, – Пётр сел за стол и достал из папки лист бумаги.

– Конечно, я понимаю. Нельзя ли побыстрее? Мне на службу. Кстати, Пантелеймон, – сын хозяина заметил входящего в гостиную "мажордома".

– Ты не видал ли моих часов? Вообразите, – он повернулся к Петру, – вчера забыл их, уходя на службу. Перед уходом, одеваясь, выложил на комод, точно помню – и забыл. Уже на улице обнаружил. Хотел вернуться – да примета плохая. Как с работы пришёл – гляжу, их на комоду нету. А я точно помню, что выкладывал. До сих пор найти не могу. Пантелеймон, ты их никуда не прятал?

– Простите, Василий Александрович, – невозмутимо ответил тот, – не имею представления. На комоду вчера вы их оставляли, это точно, сам видел. А после обеда глянул – нету.

Я ещё удивился – кто мог взять. Вы же со службы тогда ещё не возвращались. Может, Глафира прибрала куда от греха?

– Да не прибирала я, – Глафира, оказывается, уже вошла в гостиную и внимательно слушала, – я и не помню, чтобы вообще ваши часы видела. Так на кухне же всё время.

– Ну, значит, и сегодня не судьба, – вздохнул молодой человек, – Ладно, может супруга отца взяла. Вечером со службы вернусь – спрошу. Извините ... не расслышал, как вас зовут, – обернулся он к Петру, – прошу, задавайте свои вопросы. У меня уже очень мало времени. Служба, знаете. Всё же хотелось бы точнее узнать, что с отцом и, если правда ... увидеть тело.

Мартынов отметил, что более-менее потрясённой убийством выглядела только Глафира. Ну, Пантелеймон, кажется, вообще ничему не удивлялся. А сын ... может быть, просто отроду спокойный? Или знал ... потому, что сам и убил? Да нет, он дураком не выглядит, изобразил бы сыновнюю скорбь как-нибудь. Именно если сам убил.

– Вы можете называть меня Пётр Петрович, ответил он, – Что касается службы – не беспокойтесь, мы выпишем вам бумагу, и за опоздание с вас никто не спросит. Причина уважительная. Тело же пока здесь неподалёку, там дворник Кузьма. Поскольку имеет место убийство, мы должны официально доставить его в морг, откуда вы по окончании следственных действий сможете покойного получить для прощания и похорон. Теперь, если не против, перейдём к вопросам?

– Да, пожалуйста, – похоже, перспектива опоздания на службу волновала Василия Александровича больше смерти отца, – Вы знаете, моей работы ведь всё равно за меня никто не сделает. А смерть отца, жены, мировые катаклизмы для моего начальника причиной облегчить работу не являются.

После ответов на стандартные вопросы молодой человек был снабжён бумагой о том, что задержался по причине необходимости беседы с представителями Петроградского Совета и отпущен на службу.

Теперь процедуре подвергся Пантелеймон. Кое-что новое из его ответов выяснилось. Вчера вечером хозяин и хозяйка отбыли в ресторан. Пантелеймон, добросовестно выполняя свои обязанности, не ложился, ожидая их возвращения в своей комнатке рядом с прихожей. Уже после того, как Василий Александрович и Глафира разошлись по своим спальням, вернулась хозяйка. Взволнованная. Тут же сняла туфли, бросила сумочку на комод – где та до сих пор и находилась – и удалилась в свою спальню.

Уже за полночь Пантелеймон, обеспокоенный тем фактом, что хозяйина до сих пор нет, осторожно постучал в спальню хозяйки, где, кстати, всё ещё горел свет и осведомился – можно ли войти. Был впущен. Хозяйка курила, сидя в халате. На вопрос – не послать ли за поли ... народной милицией, раз хозяйина до сих пор нет, отвечала, что тот наверняка или пьёт у кого-то из своих друзей, или ночует у одной из этих ужасных кокоток, которым строил глазки в ресторане,

изрядно к этому моменту набравшись. При законной-то супруге!

Поэтому Пантелеймону разрешается лечь спать. Разумеется, проверив, на все ли замки заперта входная дверь. Мажордом скурупулёзно распоряжения исполнил. Все замки оказались по-прежнему добросовестно закрыты. Было примерно четыре часа утра, когда он, наконец, лёг. Поднялся в девять, всё же снедаемый беспокойством. Вскоре пришёл Пётр Петрович. Всё.

Ни о каких скандалах между хозяевами Пантелеймон, как и Глафира, не упомянул.

К окончанию рассказа в комнату вплыла потрясающая женщина, держащая в руке дымящуюся папироску, вставленную в янтарный мундштук. Пантеймон, вскочив и вытянувшись, подобострастно её приветствовал. Из приветствия Пётр понял, что перед ним – хозяйка. Маргарита Николаевна.

Маргарита Николаевна не зря потратила столько времени, готовясь к выходу. Косметика, если её нанесли, была совершенно незаметна – но лицо казалось сказочно прекрасным. Простенький с виду халат обрисовывал изгибы потрясающей фигуры. Двигалась женщина грациозно, но в каждом её движении сквозили чувственность и эротика. Улыбка была дружелюбной, но вместе с тем зазывной.

– Это вы и есть дознаватель Совета? Пётр Петрович, если не ошибаюсь? – женщина, совершенно не скрывая своего

интереса, оглядывала могучую фигуру Петра, – Очень приятно. Меня зовут Маргарита Николаевна. Я супруга хозяина этой квартиры. Вы, как я понимаю, должны меня допросить по поводу смерти мужа? Или сразу арестуете? – женщина продолжала улыбаться.

Пётр откашлялся. Чёрт, он же живой человек. Но надо устоять перед этим воплощённым соблазном. Он на службе. Да и Таня.

Воспоминание о Тане помогло ослабить чары.

– Да, это я. Очень приятно. Я действительно должен задать вам ряд вопросов. Этого требует процедура расследования. Большинство вопросов рутинные, но я хотел бы начать с других.

– Как интересно! И с каких же, – улыбка женщины стала ещё шире, а голос почти перешёл в сладострастный шёпот.

Пётр мельком взглянул на матросов. Митроха, Павел и Тимоша, казалось, превратились в статуи. Их глаза впелись в обворожительную фигуру хозяйки и складывалось впечатление, что они готовы броситься к её ногам, стоит поманить пальцем. На лице же Николая читалось иное. Нет, он не менее внимательно взирал на соблазнительницу, но выражение его лица было скорее ироничным. "Ну и баба ... молодец!", – казалось, говорило оно.

Это окончательно потрянуло с Николая остатки гипнотического влияния местной Цирцеи. Он широко улыбнулся и продолжил:

– Ничего особенного. Первым долгом мне хотелось бы услышать, как вы провели вчерашний вечер. Начиная с момента возвращения вашего супруга домой. Это может пролить сведения на обстоятельства убийства. После ответов на вопросы вы сможете взглянуть на тело мужа. Затем его отвезут в морг. Такова официальная процедура.

Женщина разочарованно улыбнулась, но, видимо, решив не отчаиваться и продолжать борьбу за мужское внимание, снова сменила улыбку на чарующую и начала:

– Дело в том, что в последние дни мой муж вёл себя как сумасшедший ревнивец. Такой Отелло. Поверьте, я не давала никакого повода, но он ревновал к каждому взгляду. Даже не только моему, а просто брошенному на меня любым интересным мужчиной моложе пятидесяти. Я его понимаю, у нас немалая разница в возрасте, что Сашу сильно беспокоило. Третьего дня он даже пригрозил мне разводом. Впрочем, мой супруг вспыльчив, но отходчив. Постепенно наши отношения стали вновь налаживаться, и вчера, вернувшись со службы, он пригласил меня в ресторан. Я с радостью согласилась – понимаете, всё веселее, чем киснуть в квартире, выслушивая глупости ревнивца.

Но в ресторане он выпил лишнего, и всё началось сызнова. Беспочвенные обвинения, угрозы развода и прочая скучная материя. Я сказала, что у меня разболелась голова, и я хочу домой. Он не стал спорить, заказал извозчика – и мы из ресторана уехали. Но в пролётке Саша снова сошёл с ума.

Началось то же самое ... Впрочем, полагаю, подробности вам неинтересны. Я к стыду своему вышла из себя и довольно резко ответила, что он мне надоел со своими глупостями, и если желает развода – извольте, я не стану препятствовать. Лишь бы оставил меня в покое с моей головной болью. Мы доехали до арки, где вход в наш двор – и тут он заявил, что желает ещё прогуляться ... а, может и развлечься, а я со своей головной болью вольна отправляться домой.

Я не стала спорить, пришла, переделалась – и попыталась уснуть. Мне не удалось, несмотря на то, что головная боль утихла. Видимо, не проходило волнение. Я курила папиросу за папиросой, но окончательно успокоиться не удавалось. Помню, приходил Пантелеймон и спрашивал – ожидать ли хозяина далее. Я велела ему закрыться на все замки и ложиться спать. Под утро мне всё же удалось заснуть. Ну а утром пришли вы. Вот и всё.

Я не стану врать, – продолжала Мар гарита Николаевна, – что сильно огорчена смертью мужа. Мне изрядно надоела его ревность. Кроме того, наш брак всё же был больше браком по расчёту. Признаюсь в этом честно, сейчас такими вещами никого не удивишь. Вот так. Осуждаете меня? – она посмотрела на Петра с интересом.

– В мои обязанности не входит осуждать или одобрять. Осуждает суд. К тому же мои вопросы не окончены. Вот, взгляните не эти часы. Вы их узнаете?

– Похоже на Васины. Но я не могу сказать определённо. А

у Васи вы спрашивали? По-моему, Пантелеймон тоже должен их узнать. Я не разбираюсь в мужских вещах, уж покорнейше извините.

– Эти часы были найдены под мёртвым телом вашего мужа, – торжественно сообщил Пётр.

– Не может быть, – ахнула она, – неужели Васенька? Не верю! Подкараулить отца в арке и хладнокровно ... убить? Нет, Вася на такое не способен. Хотя ... Вы знаете, ведь Саша сына держал, можно сказать, в чёрном теле. После того, как помог устроиться на работу, не помогал совершенно. Бедный мальчик зарабатывал на жизнь абсолютно самостоятельно. Мог обидеться на отца. Но всё равно ... невероятно.

Удивление Маргариты Николаевны показалось Петру несколько наигранным. Впрочем, возможно, только показалось.

– Скажите, а вам знакомо такое овальное женское зеркальце в розовой оправе ... с цветочками?

– Да, это моё зеркальце. Саша подарил. Но я уже не помню, когда его видела в последний раз. Понимаете, я ведь им почти не пользуюсь. Из дома выхожу редко, а в спальне у меня прекрасное трюмо, что намного удобнее. А зеркальце ... не знаю, где ... может быть, в сумочке. Там, на комод.

Тимоша благоговейно принёс Маргарите Николаевне сумочку. Та высыпала содержимое на стол, покопалась в нём и, подняв глаза на Петра, разочарованно сообщила, – Здесь его нет, и где оно – не имею представления. Надо искать. А

зачем вам моё зеркальце? На память? Я польщена. Как найду – непременно подарю.

– Это зеркальце и не может быть в вашей сумочке. Мы нашли его неподалёку от трупа. Правда, оно разбито. Видимо, при падении на мостовую. Мы его не взяли, потому что не были уверены, что оно связано с убийством. Ведь в отличии от часов, его нашли в нескольких шагах от тела. Там присматривает ваш дворник Кузьма. Если вы говорите, что оно пропало, то, возможно, его потерял ... или потеряла убийца. Будем расследовать.

Спасибо вам, Маргарита Николаевна. У меня всё. Пожалуйста, до конца расследования не уезжайте из Питера. То же самое касается и остальных обитателей квартиры.

А теперь мне нужно ещё раз переговорить с Пантелеймоном и Глафирой и, согласно требованиям к расследованию, осмотреть квартиру. А вы свободны.

– Вы не могли бы осмотреть именно мою спальню немного позже, – похоже, приняв какое-то решение, попросила хозяйка, – Мне нужно к модистке, и я должна собраться. Я вас не задержу. Начните осмотр хотя бы вот, с гостиной ... или с Васиной спальни. А мне нужно всего несколько минут.

Пётр согласно кивнул и начал внимательно исследовать все закоулки гостиной. Матросы, переглянувшись, стали ему помогать. При этом на лицах Митрохи, Тимоши и Павла было написано недоумение. Только Маркин, казалось, что-то понял и про себя усмехался.

Через несколько минут полностью одетая элегантная Маргарите Николаевна выпорхнула из спальни, улыбнулась органам следствия и исчезла. Через секунды хлопнула закрывшаяся дверь.

Пётр выпрямился и скомандовал:

– Всё, шабаш. Садитесь и ждите.

– Как? А обыскивать? – удивился недоумевающий Павел.

– Тебе сказали ... сядь и жди ... уже всё нашли ... через несколько минут ... всё узнаем, – Николай откровенно улыбался.

Все сели, только Пётр прошёл к Пантелеймону и через минуту вернулся явно довольный.

И действительно через пару минут в дверь постучали. Пантелеймон впустил Сергея, который не мудрствуя доложил:

– Как вы, Пётр Петрович, велели, сидели в дворницкой и ждали. С час назад со двора подошёл молодой человек ... одет прилично. Попросил Кузьму показать тело. Ну, снял Кузьма покрывало. Посмотрел тот на покойника. Вздохнул, перекрестился – и дальше пошёл. Как он тела не трогал, мы его не беспокоили.

Потом с несколько минут тому подошла дамочка. Знаете, такая, – Сергей обвёл руками в воздухе нечто округлое и по его мнению эротичное, – Сначала искала что-то возле тела. Потом подошла к Кузьме, спросила его о чём-то. Тот развёл руками. Она не унималась. Что-то требовала. Даже кричать

начала. Кузьме по-прежнему невдомёк. Тогда скинула с тела покрывало и начала его форменным об разом обыскивать. Тут мы по вашему приказу её и сцапали. Сейчас она там, в арке. Егор караулит. Недовольная очень.

Пётр Петрович, пойдёмте, а?

Они вышли из квартиры, спустились по лестнице и направились к арке. Там увидели действительно недовольную Маргариту Николаевну, рядом с которой стояли недоумевающие Кузьма и Егор.

– Что происходит? Где моё зеркальце? – грозно спросила она Петра. Тот широко улыбнулся и достал из кармана действительно овальное дамское зеркальце в розовой оправе и с выдавленными в ней на обратной стороне цветочками.

– Пожалуйста. Вот, возьмите. Кузьма, она тебя о чём пыталась?

– Да про зеркальце какое-то и пыталась. Всю душу вымотала. А я до сих пор в толк не возьму – о чём это она? Никогда я никаких розовых зеркал с цветочками в глаза не видывал.

– Да всё правильно. Не было тут никакого зеркальца. Я о нём вам сказал, Маргарита Николаевна, чтобы проверить. И вы попались как девчонка. Вот скажите, зачем вы солгали, что идёте к модистке, а сами помчались разыскивать какое-то разбитое зеркальце, которым и не пользовались-то почти никогда?

– Да я хотела память о Саше оставить! Ведь это его подарок!

– А то у вас других его подарков не было! Нет, вы боялись, что по этому зеркальцу вас найдут. Ведь я вам нарочно сказал, что его нашли рядом с телом, и по нему будут искать. Вы и бросились сразу, сочинив поход к модистке.

– А может, я хотела все Сашины подарки сохранить! Больше памяти о нём будет!

– Да ладно вам. Сами же признались в присутствии свидетелей, что никакой любви к нему у вас не было. Брак по расчёту, помните? А главное другое. Вы как определили, что под покрывалом – именно тело Александра Васильевича? Ведь я вам не сказал, где его убили. И из вашего рассказа следует, что вчера он вас у арки высадил – а куда дальше отправился – вы и не знали.

А вы-то сразу к телу бросились и покрывало скинули. Как определили?

– Да не помню я! Наверное, вы Васе или Пантелеймону сказали – а я случайно услышала. А может, Кузьма показал.

– Не подходит. Никому я не сказал – где тело. И Кузьме не велел самому говорить. Только если спросят. Потому что всех проверял, кто в квартире. И только вы сразу и тело нашли, и обыскивать стали. Вы вчера убили ... и Василия Александровича хотели подставить ... часы его с комода вчера взяли и под труп после подсунули. Даже сук обломали, когда приподнимали тело. Василий-то Александрович не хлюпик. Ему бы сук не понадобился, чтобы покойника приподнять. Да и зачем бы ему свои часы под труп прятать? И

браунинг дамский ваш ... Тимоша в сумочке нашёл. И гильза от него у тела – вот она.

На ладони Петра действительно лежала маленькая гильза. Маргарита Николаевна ненавидяще взглянула на Петра.

– Ну ладно, признаюсь. Я убила, я. Не могла я больше жить с ним. Измотал своей ревностью, аспид. Туда не глянь, тому не улыbnись. Сам как мужчина давно уже ничего не представляет. А я женщина молодая, горячая, мне мужчина нужен. Умудрялась находить любовников ... то в магазин как бы выйду, то к модистке.

Так он частного сыщика нанял. Тот всё раскопал. Саша мне доказательства и предъявил вчера. Я еле упросила сводить меня в ресторан в последний раз. Надеюсь – растает, простит. Он ни в какую. Что же мне, опять в кокотки?

В арке последний раз умоляла, прижалась вся, обцеловала. Он ни в какую. Ну, во мне и взыграло. Приотстала, достала браунинг из сумочки – и в затылок шарахнула. Суд меня поймёт!

– Сомневаюсь, – Пётр был совершенно спокоен, – Я ещё понимаю, если вы таскаете в сумочке браунинг. Время беспокойное. А вот часы Василия Александровича зачем в ресторан взяли? Единственного, с кем пришлось бы делить наследство, если бы вас не раскрыли?

Вы невинного хотели на каторгу отправить, а сами всё унаследовать. И за это поплатились.

Ладно. Сергей, сбегай обратно в квартиру. Позвони в Со-

вет. Пусть экипаж пришлют. У нас мёртвое тело и арестованная убийца.

А вы, Митроха, Павел и Тимоша, с нами не поедете. Я посмотрю, на вас её очарование больно действует. Николай, согласен?

– Да что уж там ... сам вижу ... ты расскажешь ... как догадался ... пока экипаж приедет?

– Конечно. Сейчас Серёга вернётся, сядем на те лавочки – и расскажу. Только вот что, Николай. Надо её связать и держать на привязи. Лихая больно.

– Согласен ... Егор, найди верёвку ... и связать сможешь.

– Сначала я подумал, что это снова, как неделю назад, дело рук каких-нибудь пьяных солдат или матросов. Как четвёртого июля, во время той, якобы “мирной демонстрации”. Тогда грабили и убивали в основном именно что прилично одетых. Может, кто-то из тех пьяных “демонстрантов” ещё не угомонился, – Пётр говорил неторопливо, как бы вспоминая. Матросы, дворник и арестованная внимательно слушали. Они сидели на лавочках во дворе, ожидая экипаж из Петроградского Совета. Пётр оглядел присутствующих и заявил:

– Но потом своё мнение я изменил.

– Бумажник с деньгами ... золотые часы?

– Точно, Николай. Если бы они убивали – то бумажник с часами забрали бы, конечно. Ну да, их могли спугнуть. Но тогда те, кто спугнул, наверное, подняли бы тревогу – и мёрт-

вое тело увезли до нас. Нет, тут не ограбление. А что?

Дело стало проясняться, когда мы перевернули труп. Рана на затылке говорила о том, что убили из оружия малого калибра, возможно, дамского. Положение раны – что стрелявший был, скорее всего, ростом ниже жертвы. А больше всего нового я узнал из того, что нашёл под мёртвым телом.

– Серебряные часы?

– Не только. Да, и часы, конечно. Но и то, что они оказались именно под трупом, причём, чтобы их достать, покойника нужно было приподнять или перевернуть. А так их никак нельзя было даже увидеть.

– Это чтобы ... шпана не спёрла ... раньше времени.

– Ну да. Убийце было нужно, чтобы часы нашли те, кто станет расследовать. Зачем? Наверное, чтобы указать на владельца часов. Причём чтобы подсунуть их под тело, злодею пришлось даже его приподнимать. Я это понял, найдя разломаченный обломок, а потом – сук, от которого обломок и отломался при приподнимании.

Любому нормальному мужчине и большинству обычных женщин сук бы не понадобился. Что трудного – приподнять труп и подсунуть под него часики? Я понял, что убийца не желал рисковать руками вообще. Не то, что повредить или поцарапать, но даже запачкать. На ум сразу пришло, что некоторые женщины очень трепетно относятся к своим рукам. Даже ногти холят и лелеют ... и красят, конечно.

Маргарита Николаевна вздохнула и посмотрела на Петра.

Во взгляде её, даже несмотря на сложившуюся ситуацию, читалось восхищение.

– Эх, какая же я дура. Верно говорят: бабы хитрее, а мужчины умнее. Особенно некоторые.

Даже в этот момент она была верна себе, стараясь очаровывать. Пётр коротко взглянул на неё и продолжил.

– Когда я узнал от Кузьмы, кто живёт в квартире убитого, то заподозрил Маргариту Николаевну сразу. Прямых наследников у Доронина было двое – жена и сын. Но сыну незачем использовать сук, да и подкладывать свои часы под труп отца – тоже. Часы-то мужские, значит, не супруги, а скорее всего сына. Впрочем, я проверил – и Пантелеймон часы узнал.

Так вот, а Маргарите Николаевне их подсунуть под труп – прямой резон. Если бы в убийстве обвинили Василия Александровича, она бы осталась единственной наследницей. Да и со слов Кузьмы я понял, что барыня очень тщательно следит за своей внешностью. Наверное, в том числе за руками и ногтями.

Арестованная вздохнула и покаянно опустила голову. Впрочем, слушать продолжала внимательно.

– А Пантелеймона и Глафиру, – продолжал солдат, – я исключил из числа подозреваемых почти сразу. Вряд ли они настолько трепетно относились к своей внешности, а сил приподнять тело хватило бы и той, и у другого. В общем, Кузьма дал мне много важных сведений.

Дворник польщённо откашлялся, старательно огладил бо-

роду и приосанился.

– Когда мы пришли в квартиру и начали по очереди сообщать домашним о смерти хозяина, я ожидал, что те проявят какие-то сильные чувства. Ну там заплачут, закричат или ещё что. Но только у Глафиры ненадолго выступили слёзы на глазах, а остальные перенесли горестную весть на удивление спокойно. Даже Маргарита Николаевна, что меня поразило. Она не стала разыгрывать сцену скорби, а честно сказала, что мужа не любит и никогда не любила. Уважаю. Вы оказались умнее, чем я ожидал. Не только чертовски привлекательны, но и мозгами не обделены.

Арестованная благодарно взглянула ему в глаза, улыбнулась и даже как-то расцвела. Compliments благотворно действовали на неё даже в нынешней ситуации.

– Ещё когда мы были во дворе, – продолжал Пётр, – мне стало ясно, что прямых доказательств у нас нет. Ну, часы под трупом. Кто их туда засунул, когда – бог его знает. Сломанный сук – ну и что? Мало ли кто и когда его сломал. Да, пуля из малокалиберного оружия – это серьёзнее. Тем более, что твои, Николай, ребята, спасибо им, нашли гильзу неподалёку от трупа. Но и этого было недостаточно. Мало ли у кого в Питере сейчас может оказаться малокалиберный браунинг? В общем, доказательств было маловато. И тогда я решил устроить убийце ловушку.

Во-первых, попросил ребят скрытно понаблюдать из дворницкой. Меня интересовало – кто подойдёт к телу и сни-

мет покрывало. Я намеренно не собирался говорить в квартире – где именно нашли труп.

А во-вторых, планировал упомянуть об улике, находящейся рядом с покойником.

Убийца должен был обеспокоиться и попытаться улику найти и спрятать или уничтожить. При этом, конечно, снять с трупа покрывало и начать обыскивать – что и предполагалось для его изобличения. Ведь где именно находится тело, я сообщать не планировал. Таким образом, сам факт того, что убийца знает это, должен был всё прояснить

Собственно, подозреваемыми были только прямые наследники – сын Василий Александрович и вдова Маргарита Николаевна. Остальным убивать незачем.

Сыну я сообщил про найденные часы. Но он только подошёл к Кузьме – поскольку уже знал от меня, что тот поставлен неподалёку от трупа – спросил – где лежит отец и попросил показать тело. Покрывало с покойника снимал Кузьма, а а сам Василий Александрович даже ни к чему там не прикоснулся. Постоял, помолчал, перекрестился – и пошёл на службу. Непохоже на убийцу.

С вами, Маргарита Николаевна, было посложнее. Вы ничего у трупа не оставили, поэтому пришлось пойти на хитрость. Я попросил Тимошу незаметно украсть какую-нибудь небольшую безделушку из принадлежащих хозяйке. Из всех нас у Тимофея самые ловкие руки.

Тимоша польщённо улыбнулся.

– Причём безделушку лучше всего было взять из сумочки. Именно сумочку вы, Маргарита Николаевна, наверняка берёте с собой, выходя из дома. И скорее всего браунинг храните там же. Впрочем, насчёт браунинга Тимоша тоже должен был проверить. А брать надо было что-нибудь из того, что вы, скорее всего, со вчерашнего дня не видели. Сложная задача, но выхода не было. Получится – хорошо, а нет ... ну, будем искать другие доказательства.

Я думал, что придётся заходить к вам в спальню. Даже попросил Николая помочь Тимоше – как-нибудь заслонить сумочку, когда он будет изымать безделушку. Слава Богу, вы сами облегчили нам задачу. Когда вернулись вчера из ресторана, бросили сумочку на комод и утром, когда мы пришли, она находилась там же. Тимоша мог брать любую безделушку – вы не заглядывали в сумочку со вчерашнего дня. Честно говоря, в таких условия ловкость рук даже не требовалась. Такую задачу мог выполнить и Николай, например.

– Нет ... в любом деле ... специалист лучше ... неспециалиста.

– Согласен. Итак, Тимоша проверил наличие браунинга и умыкнул зеркальце. Потом вошёл в кухню, где я в это время задавал официальные вопросы Глафире – и сообщил всё мне на ухо. Теперь оставалось только провести беседу с вами, Маргарита Николаевна, заставив поверить, что у нас в руках доказательства, могущие привести к вам.

– И вам это удалось. Я, как последняя идиотка, со всех

ног кинулась в расставленную ловушку. Вы, Пётр Петрович, не только Шерлок Холмс. Вы ещё и актёр, и психолог, каких поискать! Боже, как я была слепа. Перебирала мужчин, желала найти настоящего, а у нас такие, оказывается, солдатами служат. Вы просто гений!

Трудно поверить, но казалось, что Маргарита Николаевна была искренна. Дыхание её участилось, она смотрела на Петра масляными глазами. Тот только смущённо кашлянул и поднялся.

– Да будет вам. Я ведь только сейчас сообразил, что вы сами дали мне ещё одну важнейшую улику прямо во время нашего разговора в гостиной. Помните, когда я вас спросил про серебряные часы, вы ответили, что те, похоже, принадлежат Василию Александровичу и тут же сыграли – мол, нет, не может быть, не мог Вася подкараулить в арке отца и хладнокровно убить.

А ведь я не говорил вам, что тело вашего мужа нашли в арке. Об этом кроме нас знали только Кузьма ... и убийца. В общем, сообрази я сразу – и весь этот спектакль бы не понадобился. А вы говорите – гений.

Ну ладно, нам пора, братцы. Вон, кажется, уже из Совета прибыли.

Матросы тоже поднялись и двинулись к арке, ведя за собой арестованную. Но та вдруг остановилась, обернулась к Петру и произнесла:

– Пётр Петрович, я надеюсь, что мы ещё встретимся, и

вы измените своё мнение обо мне. Я ведь не хладнокровная убийца. Просто очень люблю сильных мужчин и зверею, когда мне мешают. Я ещё вам это докажу!

Пётр посмотрел на неё, вздохнул и побрёл вслед к экипажу.

12 июля 1917 года.

Члены большевистской фракции в Совете зачастую чувствовали себя неуютно. Нужно было много самообладания, чтобы проходить по коридорам и залам Таврического дворца, не согнувшись и не опустив головы, сквозь строй неприязненных взглядов, злобного шёпота и демонстративного подталкивания друг друга локтем мол, смотри, смотри.

В эти дни никто больше Троцкого не демонстрировал столь открыто свою солидарность с большевиками. Его официальное вступление в партию было отложено до приближающегося Шестого Съезда, который должен был состояться в конце месяца. Но он уже вёл себя как один из большевиков. Ещё в своём Открытом Письме Временному Правительству, опубликованном шестого июля, Лев Давидович, отвечая на обвинения в адрес большевиков в шпионаже в пользу Германии, написал – "Если Ленин – немецкий шпион, то и я – немецкий шпион".

Троцкий доброжелательно здоровался с членами большевистской фракции, тут же демонстративно начиная обсуждать с ними какие-то вопросы, зачастую малозначительные. В своих выступлениях в Совете он стал добровольным адвокатом Ленина, раз за разом отстаивая его невиновность.

Впрочем, Лев Давидович просто не мог поступить иначе. Главным критерием для него было самоуважение, а ведя се-

бя иначе, он бы его потерял.

Общественное мнение, на которое оказывалось давление проправительственными кругами и многочисленными анти-ленинскими статьями в газетах, становилось по отношению к большевикам всё негативнее. Несмотря на то, что официально партия не была запрещена, а был издан только приказ об аресте Ленина и других видных большевиков, в Петроградском Совете члены фракции зачастую чувствовали себя париями.

А Троцкому дразнить гусей, казалось, даже доставляло удовольствие.

Впрочем, не все в Таврическом Дворце думали одинаково.

Итак, большевистская фракция Петроградского Совета продолжала существовать и функционировать легально. Правда, её лидер Каменев был арестован, Сталин показывался редко, но большевистские лидеры Рыков, Рязанов, Ногин и другие резко критиковали на заседании Советов политику как Временного Правительства, так и лидеров Совета.

И вернувшийся в Россию к этому времени бывший лидер меньшевиков Юлий Мартов, остававшийся сейчас главой только крыла интернационалистов своей партии, говорил с трибуны Совета в том же духе. Начиная с раскола на большевиков и меньшевиков четырнадцать лет назад Мартов был одним из самых яростных оппонентов Владимира Ильича – а сейчас горячо отстаивал с трибуны его невиновность.

Но не только Троцкий с Мартовым были на стороне большевиков.

Как мы помним, Лев Давидович фактически с момента приезда являлся членом Исполкома Петроградского Совета. Ему был положен паёк в буфете. Во время завтраков и обедов он заметил интересную особенность.

В буфете раздавали чай и черные бутерброды с сыром или красной зернистой икрой. В обед давали щи и кусок мяса. Буфетчиком Исполнительного Комитета был солдат Графов. В самый разгар травли против большевиков, когда Ленин, объявленный немецким шпионом, уже скрывался, Троцкий заметил, что Графов подсовывал ему стакан чаю погорячее и бутерброд получше, глядя при этом мимо.

Графов сочувствовал большевикам и скрывал это от начальства. Лев Давидович стал присматриваться. Графов был не одинок. Весь низший персонал Смольного – сторожа, курьеры, караульные, похоже, тяготел к большевикам. Троцкий сказал себе, что дело уже наполовину выиграно. Но пока только наполовину.

Временное Правительство на самом деле добилось меньшего, чем казалось. Партия большевиков не была запрещена, и, как следствие, её органы продолжали функционировать

ЦК большевиков, большевистские фракции в Советах, партийные комитеты Петрограда, Москвы, провинций, большевистские фабрично-заводские комитеты, наконец, Военная организация ЦК партии ("военка") остались

политически и организационно боеспособными.

Ленин отсутствовал только физически, но своими записками и письмами через постоянного связного, он как бы всё равно бывал на заседаниях ЦК.

Собственно, его даже уже не искало правительство, может быть, довольное тем, что он сам исчез с легальной арены.